

Филипп Сократес

Полет Беллерофонта.
Мегарская псефизма.

Сумерки на Пниксе. Часть 2.

Филипп Сократес

Полет Беллерофонта.

Мегарская псефизма.

<https://litres.ru/74190514>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Да, Перикл, твои подвиги достойны этих венков. Ведь раньше граждане Афин гибли в войнах с варварами за свободу Эллады, теперь же гибнут за завоевание союзных эллинских городов».

«Путь к славе похож на подъём по лестнице... Тяжело идти вверх и легко спускаться вниз. Но если вовремя остановиться, ты можешь оставаться на своей ступени довольно долго».

Бешеные возгласы возниц, рёв толпы, стук копыт, свист спиц крутящихся колёс — всё смешалось в тот миг.

«А Зевс не может насмехаться над творчеством, как не смеёмся мы над рисунками и поделками из глины своих детей».

«Мы же часть бытия, а значит, тоже неподвижны».

Алкмеониды против Филаидов. Влюблённые из двух враждующих родов на фоне Древних Афин в их зените. Последняя Олимпиада перед страшной Пелопоннесской войной. Скачки, панкратион, идеи Зенона и Анаксагора — всё это найдётся на страницах второй книги серии «Сумерки на Пниксе». Продолжение истории Эвриптолема.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Филипп Сократес

Полет Беллерофонта.

Мегарская псефизма.

Глава 1

*«Для человека, что не прочь подумать,
все эти древние истории — лишь сказки».*
Еврипид, «Беллерофонт»

От Самоса мы отчалили, как только затихли зимние шторма. Путь домой был недолгим и радостным. Гоплитам на море делать нечего, и я четыре дня наслаждался свежим морским ветром и весенним солнцем, лёжа на палубе. Встречать наш флот, а кораблей в нём было почти полторы сотни, собралась, казалось, вся Аттика. Горожане заполнили улицы и пирсы Пирея. Даже облепили крыши домов. Думаю, их ожидания оправдались. В знак победы над Самосом мы украсили борта блестящими на солнце щитами и яркими тканями. Гоплиты начистили и надели свои доспехи и шлемы, и яркое весеннее солнце весело играло на них, слепя глаза. Когда мы заходили в Зейскую бухту, гребцы завели победный пёан, слаженно гребя всеми рядами под звонкие звуки флейт. Я тоже пел.

Отец и мать встречали меня в порту в сопровождении Моруна и Дромона — двух домашних рабов, принёсших целую гору еды. Мать плакала не таясь. Отец улыбался и громко шутил. Я отвечал улыбкой, но от моей улыбки, мне казалось, мать плакала только сильнее, да и отец вскоре перестал балагурить.

— Ты изменился, сынок, — сказал он серьёзно. — Эх, будь проклят Арес.

— Но ты жив, хвала Афине! — добавил уже беззаботно. — И значит, мы будем сегодня пировать! Сегодня мы заколем бычка во славу Зевса и Геры и распечатаем амфору старого критского вина!

Потом добавил, уже беззаботно:

— Но ты жив, хвала Афине! И значит, мы будем сегодня пировать! Сегодня мы заколем бычка во славу Зевса и Геры и распечатаем амфору старого критского вина!

Позже, когда прах павших под Самосом воинов был торжественно погребён в самом почётном месте кладбища на Керамике, Перикл произнёс речь, полную гордости за наш полис и веры в его славное будущее. Речь вызвала бурные восторженные овации афинян. Под эти овации стратег, сойдя с кафедры, пробирался сквозь толпу, а знатные нарядные афинянки надевали на него ленты и венки, чествуя, как олимпийца.

Лишь Эльпиника, знаменитая сестра легендарного Кимона, ничем его не украшала. Эта женщина, давно утратившая

молодость, поразила меня грацией богини и исполненной достоинства позой. «Наверное, так выглядит Гера», — подумал я тогда. А Эльпиника обратилась к Периклу по-театральному громко, так, чтобы слышали многие:

— Да, Перикл, твои подвиги достойны этих венков. Ведь раньше граждане Афин гибли в войнах с варварами за свободу Эллады, теперь же гибнут за завоевание союзных эллинских городов.

Перикл был в хорошем настроении и уже знал заносчивый характер Эльпиники, поэтому просто отшутился в ответ. Но, как говорят, муха попала в праздничную похлёбку. Слова Эльпиники достигли своей цели, оставшись маленькими червоточинами сомнения в сознании афинян.

Я слышал эти слова и невольно вздрогнул, вспомнив атаку самосцев на спящий лагерь, казнь Макара, клятву самосцев на баррикадах. «Она права, эта гордая сестра героя, — подумал я, — эллины не должны убивать друг друга». Слова её вонзились в моё сознание глубже, чем я тогда осознавал.

* * *

Странно, но мирная жизнь не принесла мне счастья, хотя, казалось, оно разлито в самом воздухе Афин. Поначалу я не мог найти себе места в доме, где всюду натёкался на слуг. Я уходил за городские стены и долго бродил по окрестным холмам, взяв для вида охотничий лук. Вот только стрелять я не мог.

Но время лечит. А я как будто болел и долго выздоравли-

вал. Постепенно я стал забывать Самос и то, что там происходило. Вернее, научился не вспоминать. Кошмары, которые терзали меня поначалу, уходили. Отец поручил мне вести хозяйство на виноградниках в Марафоне, и я погрузился в заботы, ища забвения в труде.

Я стал ходить к Еврипиду, трагику и другу детства. Его дом стал для меня убежищем. Там, среди свитков стихов и споров о философии, я чувствовал себя живым. Еврипид был умён, весел и проницателен. Однажды, после того как я рассказал ему о том, как был в чулане Мелисса, он сказал:

— Эвриптолем, ты прошёл через то, что рвёт струны. Но твоя кифара не умолкла.

— Звук стал тише и ниже, и я его почти не слышу, — ответил я с грустной ухмылкой.

— Потому что струны теперь настроены иначе, — заметил он серьёзно. — Это новая гармония. Ищи её, и ты ещё споёшь свою песню.

Его слова я запомнил. И ждал — не зная, чего, но ждал, наверное, того момента, когда струны моей души зазвонят.

Это произошло через пять лет, на Больших Дионисиях. Новая трагедия Еврипида была освистана афинской публикой как безнравственная. В ней Федра, жена Тесея, ложно обвиняя юного пасынка царя в изнасиловании, разрывала по сюжету на себе одежды. Актёр нарушил меру и впал в непристойность, и публика этого не приняла. После представления я пытался утешить Еврипида, объятого отчаянием.

Вдруг подошла девушка лет семнадцати. Густые белокурые волосы красиво собраны в простую причёску. Глаза — голубые, бездонные. Высокая и грациозная, как Афина Лемносская, созданная Фидием. И в её лице было что-то до боли знакомое.

— Еврипид, твои стихи прекрасны, — сказала она. Голос её был чистым и сильным. — Но они не для мужских грубых сердец, привыкших лишь слушать про деяния героев. Прости афинян. Но знай, для афинянок ты — сын Диониса.

Еврипид поднял глаза и улыбнулся ей.

— Спасибо тебе, незнакомка. Твои слова — как лекарство на рваную рану.

— Меня зовут Хлоя, — улыбнулась девушка.

— Хлоя, — повторил Еврипид задумчиво. — Как прекрасную нимфу весны.

Она засмеялась. Сердце моё застучало чаще. Струна в моей душе пронзительно зазвенела. Девушка ушла, оставив свой смех и улыбку в моём сердце. Я смотрел ей вслед. Она шла через толпу, белокурые волосы мелькали среди людей.

— Кто она? — спросил я Еврипида.

— Не знаю. Но если она любит мои стихи, у неё хороший вкус, — ответил он.

— Я должен увидеть её снова, — прошептал я. Струна звенела — и я вдруг понял, что пять лет молчания кончились.

Снова я её встретил летом, в вихре праздника Великих

Панафине́й. Праздник того года был самым восхитительным из всех, что я видел. Ни до, ни тем более после уже не ощущалось такой искренней связи народного патриотизма и мощи родного полиса.

Последние работы над фризом Парфенона закончились. Все строительные леса, за много лет ставшие частью храма, убрали. И по замыслу Фидия афинский акрополь раскрылся во всём своём великолепии, блистая под ярким летним солнцем мрамором, золотом и бронзой, возвышаясь над вечно суетным городом, как Олимп над Элладой.

Городские рабы покрыли улицы цветами, а деревья и статуи украсили тысячами лент. Золотые венки и панафине́йские амфоры, наполненные маслом священных маслин Девы Афины, соперничали в престиже с олимпийскими, заманивая искателей славы со всей Эллады.

Первые три дня великолепный шатёр Одеона сотрясали овации зрителей музыкальных соревнований. Я тоже, впервые после Самоса, решился испытать судьбу, исполнив пеаны Пиндара. Гармония слов и мелодии великого поэта принесла мне четвёртое место среди певцов гимнов. Я гордился этим, потому что те эллины, кому достались первые венки, должны петь на пирах Олимпа.

Затем последовали соревнования атлетов. Славная афинская школа борьбы забрала все призы — борьбу страстно любили в Аттике, ведь всем известно, что даже великий Тесей учился борьбе у кентавра Хирона.

Не обошлось и без человеческой жертвы. Мальчик — лет двенадцати, кудрявый — весело бежал к другу, когда другой мальчик метнул копье. Оно описало дугу в воздухе и вонзилось в грудь несчастному. Мальчик упал на колени, глядя на древко с удивлением. Потом его лицо исказилось, он попытался закричать, но изо рта пошла кровь. Упал на бок и затих.

Я смотрел и не мог отвести глаз. Как будто копье вонзилось в мою грудь. Боль пронзила моё сердце, которое безжалостной рукой сжал Деймос. О мойры — опять смерть, и опять так рано?

Погибший приехал из Фессалии. Суд не мог состояться во время празднований, и о вине метнувшего долго спорили софисты и риторы.

Соревнования продолжались. Четвёрка прекрасных лошадей под управлением Архипа принесла победу моему отцу, славу роду Алкмеонидов и сто сорок амфор священного масла в хранилища нашего дома.

На симпосии, устроенном вечером в нашем доме по поводу этой победы, Алкивиад, наш дальний родственник, ставший потом знаменитым, поднял килик.

— Хочу выпить за твоих коней, Мегакл. Воистину, эти кони достойны колесниц Посейдона и Гелиоса, — произнёс он тост, торжественно приподнявшись на ложе.

— Не знаю, как насчёт колесниц богов, но в Элладе этим лошадям нет равных, — посмеиваясь, ответил мой отец, от-

хлебнув вина. — Я отдал за них в Беотии по три тысячи драхм за каждого. Но разве слава, что они приносят в Афины, не стоит таких денег?

— Да, деньги огромные, — сказал Алкивиад задумчиво. — На них можно было купить целую толпу рабов и запустить какую-нибудь мастерскую. Хотя доход от продажи священного масла будет немалым.

— Я не купец. На плату Хирону мне хватит, — ответил отец с интонацией наставника, взяв вяленый инжир со своего блюда. — Иногда деньги перестают что-либо стоить, а вот почёт и уважение соседей могут тебе помочь.

— Но кони стареют, — не унимался Алкивиад серьёзно. Он обожал споры, особенно с уже зрелыми и состоявшимися людьми вроде моего отца. — Возможно, ты ещё выведешь их на следующую Олимпиаду, но потом они потеряют резвость. Не потеряешь ли и ты тогда славу?

— Путь к славе похож на подъём по лестнице, — ответил отец тем же тоном наставника, повернувшись к Алкивиаду. — Тяжело идти вверх и легко спускаться вниз. Но если вовремя остановиться, ты можешь оставаться на своей ступени довольно долго. А мои кони дадут потомство, которое я или мой сын когда-нибудь выведем на игры.

Сказав это и посчитав, что ответил полностью, он стал жевать инжир.

— Если есть деньги, то такой путь к славе, конечно, самый простой и безопасный, — согласился Алкивиад с улыбкой.

— Уж не предлагаешь ли ты, Алкивиад, самим владельцам колесниц раскатывать по олимпийскому ипподрому? — заступился я за отца. — Если по-твоему, то скоро это прекрасное зрелище станет забыто в Элладе.

— Возможно, Эвриптолем, ты прав. Это слишком опасно. Но такие игры были бы достойны героев, а зрелище было бы достойно богов, — ответил Алкивиад, всё так же улыбаясь.

— Да, только одного бога — Аида, — хмуро ответил отец. — Я видел много скачек, и на каждой кто-нибудь погибал или калечился. Оставим это для рабов.

Больше к этой теме в тот вечер мы не возвращались, но мысль, как зерно, если упадёт в хорошую почву, обязательно прорастет.

Глава 2

На седьмой день праздника состоялись игры для граждан Аттики.

Больше к этой теме в тот вечер мы не возвращались, но мысль, как зерно, если упадёт в хорошую почву, обязательно

Воинственные пляски Пиррихи и лихие упражнения Эвандрии, угодные Деве Воительнице, пользовались успехом и среди смертных девушек. Главными участниками были молодые новобранцы-эфебы, которым в ближайшую ночь предстояло принести присягу. У соревнований всегда было полно зрителей из родных и соседей участников. Юноши очень старались, демонстрируя удаль, и восторженные крики зрительниц значили для них не меньше, чем решение судей.

Я наблюдал за юношами, вспоминая себя эфебом. Как недавно эти выступления были для меня так важны. И с горечью осознавал, что между тем временем и нынешним собой — чёрный Тартар.

К вечеру эфебы, соревнуясь в факельной эстафете, пронесли огонь, зажжённый у алтаря Прометея в Академии и возвещавший о начале главной части праздника, через весь город до Акрополя. С этого момента, как положено со времён первого царя Афин — Эрихтония, молодёжь, съехавшаяся со всей Аттики и её колоний, пошла по улицам города.

Стайки юношей и девушек танцевали и соревновались в

нении. Я шёл с парнями из нашей филы. Музы не обидели нашу компанию, и мы слаженно пели. В какой-то момент я увлёкся, и мой голос один звучал над улицей, завораживая гуляющих, пока ему не осмелился ответить другой — девичий, чистый и нежный, но с какой-то дикой силой.

Все вокруг замолчали в восторге. Я ответил девушке новой песней, она подхватила. Так мы спевались, казалось, целую вечность под ночным небом. Наконец я разглядел певунью. Это была Хлоя, та девушка, что поддержала Еврипида после его провала. Я подошёл к ней ближе и, не прерывая песню, взглянул в её голубые глаза. Она не отвела их. Она пела, глядя мне в глаза, и в этом взгляде не было стыдливости благовоспитанной афинской девушки. Был вызов. И интерес. И что-то дикое и необузданное. Нас прервали овации, которыми толпа приветствовала гордо марширующих эфэбов. Юноши в доспехах направлялись в святилище Аглавры, чтобы принести свою гражданскую клятву Афинам. Их строй разнёс нас на разные стороны улицы, и вскоре она растворилась в толпе, оставив в моём сердце томную тоску.

* * *

На следующее утро, когда ночные танцы и песни плавно перетекли на акрополь, влившись в торжественное шествие всех горожан, я, к своей радости, увидел при свете дня Хлою. Она гордо шла рядом со старой Эльпиникой, на почётном месте процессии, среди нарядно одетых благородных афинянок. В руках женщин были священные корзины с дарами,

предназначенными для храма Эрихтейона.

Девушка казалась молодой копией Эльпиники. Обладая теми же тонкими и правильными чертами, достойными стать образцом для скульптора, она была молода, и кожа её сияла свежестью, а выующиеся белокурые волосы оттеняли седину Эльпиники. Сходство и контраст спутниц завораживали, и многие зрители шествия без стеснения пялились на них. Это льстило женщинам, и ответная любезная улыбка не сходила с их уст. Когда же и мой взгляд встретился с взглядом ночной певуны, губы её дрогнули, а глаза засветились радостью, которую невозможно было спрятать или просто приписать торжеству. В сердце моё впиалась стрела Эрота, которая, как оказалось, осталась в нём на всю жизнь.

А между тем праздник набирал силу. И уже покатился по улицам панафинейский корабль с новым пеплосом-покрывалом для Афины вместо паруса, и погнали стадо в сто голов на жертву богине. Весь город полз на холм акрополя огромной змеей под уже палящим летним солнцем, ликуя и прославляя покровительницу города.

Не знали мы тогда, что нас ждёт впереди, да и не поверили бы никакому предсказателю, если бы он рассказал. А ведь кто-то потом рассказывал, как переехала праздничная повозка ползущую по улице домашнюю змею, невесть откуда взявшуюся. Это было очень плохой приметой, так как сам легендарный царь Эрихтоний, учредивший этот праздник, был связан со змеями. Но процессию нельзя было ни остано-

вить, ни развернуть. Дары были доставлены, великая жертва принесена, и сотня бычьих туш была разделана и передана на праздничное пиршество, с которого никто не должен был уйти голодным.

* * *

Среди гуляющей толпы, ожидающей пиршества, я искал её. Искал долго, пробираясь сквозь бесконечную толпу людей, пока не увидел её снова — она стояла в тени платана, одна, глядя куда-то вдаль.

Я подошёл к ней, и на миг мне показалось, что весь шум праздника стих.

— Хайре, — сказала она первой. Даже в этом простом приветствии звучал вызов.

— Хайре, — ответил я, стараясь унять биение сердца. Мы стояли, глядя друг на друга.

— Ты поёшь, как человек, который не боится, что его услышат, — сказала она.

— Ты тоже, — с улыбкой ответил я.

Она засмеялась — светло, заразительно:

— Может быть. — Она наклонила голову.

— Не слышал, чтобы девушек учили пению. Где ты научилась? — продолжил я.

— Моим учителем был горный ветер, — ответила она просто. — И песни матери, которая пела на языке, что здесь не знают.

В её голосе прозвучала грусть и гордость одновременно.

Я решился спросить:

— Откуда твоя мать?

— Из Фракии. Это далеко.

Она отвернулась и посмотрела на толпу. Мы помолчали.

— Меня зовут Эвриптолем, — сказал я. — Из рода Алкмеонидов.

— А меня — Хлоя. Из рода Филаидов, — ответила она серьёзно, без кокетства.

— Наши роды не любят друг друга, — сказал я тихо.

— Знаю. — Она смотрела мне в глаза. — Но не знаю, почему я должна плохо относиться к тебе.

Сердце моё застучало сильнее.

— Я люблю Сафо, — сказала она внезапно. — И Еврипида. Особенно его Алкесту. Ты видел её?

— Конечно. Еврипид — мой друг. Я часто бываю в его доме, — обрадовался я, совсем по-мальчишески, обрадовавшись смене темы. Глаза её вспыхнули:

— Правда?

— Правда.

— Почему ты любишь стихи Еврипида? — спросил я.

— Потому что он пишет правду, — ответила она страстно. — Правду о людях и их чувствах. И ещё Еврипид пишет о чувствах женщин.

Девушка с минуту помолчала, о чём-то задумавшись.

— Вот бы мне попасть туда, — прошептала она, и в голове была мечта. — Услышать, как рождаются стихи. Увидеть,

как он пишет. Понять, откуда приходят слова, что заставляют плакать.

— Тогда приходи, — ответил я импульсивно. — Я попрошу его.

Она засмеялась в ответ, мечтательно подняв глаза к небу.

— Может быть...

В этот миг вокруг нас всё завертелось. Шайка молодых повес, заводилой у которых был Алкивиад, этот лесной пан с внешностью Аполлона, завела вокруг нас хоровод и стала выкрикивать глупые шутки. Откуда-то появились крепкие парни, как оказалось, родственники Хлои, и если бы не подоспевшие огромные рыжие скифы — городские хранители порядка, всё наверняка закончилось бы хорошей потасовкой.

Шайка Алкивиада растеклась по толпе, скифы увели Хлою с роднёй. Алкивиад проследил мой взгляд и остановился рядом. Критий остановился тоже — чуть в стороне, как всегда.

Мы не виделись со дня возвращения из Самоса. Вернее, виделись — на агоре, на симпозиях, в толпе. Но не говорили. Не по уговору — просто так получалось.

— Эвриптолем, — сказал Алкивиад, — ты похож на человека, которому только что сказали, что он смертен. Что случилось?

— Ничего. Я просто смотрел.

— Я видел, на кого ты смотрел, — произнёс Критий, не

оборачиваясь. — Девушка из рода Филаидов. Занятный выбор для Алкмеонида.

Голос тот же. Самос его не изменил — или изменил так глубоко, что снаружи не видно.

— Ты знаешь её?

— Я знаю всех, кто стоит внимания в этом городе, — ответил Критий. — Племянница Эльпиники. Дочь Кимона от фракийской царицы. Говорят, поёт как сирены, и читает Сафо наизусть.

— И живёт в доме людей, — добавил Алкивиад, — которые считают твой род проклятым со времён Килона. — Он посмотрел на меня с весёлым сочувствием. — О, Эрот коварен.

— Килонов грех — старая история, — сказал я.

— Старая? — Критий наконец повернулся ко мне. Взгляды наши встретились — первый раз за долгое время. В его глазах та же ровная пустота, которую я помнил по Самосу. — Фукидид вернулся из изгнания два года назад. Для него это вчерашний день. Мильтиад победил персов при Маратоне — Алкмеониды в то время, если ты помнишь, сговаривались с персами. Кимон очистил Эгейское море от варваров — Алкмеониды строили свою власть через народное собрание, пока он воевал. Фукидид не забыл ничего. И он вернулся не за примирением.

— Критий прав, — сказал Алкивиад, — хотя я бы добавил: Фукидид не забыл, что именно Перикл отправил его в

изгнание. А Перикл — Алкмеонид по матери. Так что ты для старика — символ врага.

Критий чуть качнул головой — не соглашаясь, а уточняя.
— Фукидид выше личной мести. Он понимает главное: пока жизнью в городе управляет галдящее собрание, где голос сапожника весит столько же, сколько голос потомка Эака, — у таких людей, как мы, нет будущего в собственном полисе. Перикл открыл этот ящик. — Он помолчал. — И теперь оттуда лезет колбасник Клеон. Посмотри на него сегодня — как кричит, как машет руками, как толпа его любит. За ним полезут другие — всё хуже и хуже. Это только начало.

Он снова посмотрел на толпу — долго, без выражения.

— Есть люди в этом городе, которые думают так же. Не крикуны с Пникса — те, кто понимает, что полисом должны управлять лучшие, а не громкоголосые. Мы собираемся иногда. Негромко. — Пауза. — Фукидид бывает там.

— И ты предлагаешь мне тоже бывать?

— Я просто говорю, что такие места есть, — ответил Критий ровно. — Человек сам решает, где ему быть.

Я посмотрел на него.

— Я понимаю, о чём ты говоришь, Критий. — Я помолчал секунду. — Мы оба были на Самосе. Мы оба видели, что случается, когда лучшие люди не ладят со своими согражданами.

Что-то чуть дрогнуло в его лице — едва заметно. Или мне показалось.

— Алкмеониды столетие держат этот город не потому, что у нас больше денег или древнее имя. А потому что мы всегда умели договариваться с Пниксом. Это не слабость — это то, что отличает лидера от тирана. Отец говорил мне: рядом с народом неудобно, но без него — недолго.

— Красивые слова, — сказал Критий. Не зло. Почти устало. — Посмотрим, как долго они останутся красивыми. Фукидид вернулся — и воздух в городе уже другой. Ты это чувствуешь, Эвриптолем. Иначе не вспоминал бы Самос.

Алкивиад, молчавший всё это время — что само по себе было удивительно, — вдруг сказал задумчиво, глядя куда-то в сторону:

— Критий, пожалуй, прав в одном. Времена меняются. Только вот куда — никто из нас не знает.

Он усмехнулся своей обычной усмешкой — той, что делала любую серьёзность необязательной.

— Что будешь делать с девушкой?

— Не знаю ещё.

— Неправда, — сказал Алкивиад. — Ты уже знаешь. Иначе не смотрел бы вслед так долго.

И захохотал, и хлопнул меня по плечу.

— Что ж. Если ты решишься — это будет достойная история. Еврипид напишет об этом трагедию.

— Или, наконец, комедию, — тихо сказал Критий, улыбнувшись первый раз за встречу.

Я усмехнулся им обоим и пошёл к столу Филаидов.

Шёл я не быстро. За десять шагов успел подумать о том, что отец узнает об этом уже сегодня вечером, что Фукидид встретит меня в лучшем случае холодно, что сыновья его здоровее меня и злопамятнее отца. И что всё это не имело ровно никакого значения.

Так, ведомый силой сына Афродиты, я подошёл к праздничному столу, занятому Филаидами.

Фукидид, сидевший на почётном месте среди мужчин, был высоким седым стариком с пронзительными и умными глазами. Рядом с ним сидели два его сына, одного со мной возраста, крепкого сложения. Именно они отогнали шайку Алкивиада. Встретили они меня очень недружественными взглядами. Фукидиду шепнули моё имя, от чего бровь его поднялась вверх.

— Хайре, граждане, — сказал я твёрдо. — Да сохранит Афина наш великий город, даст счастья и благополучия его жителям. Вам же я желаю радости и веселья на этом великолепном празднике. Я пришёл принести свои извинения за то недоразумение, что произошло.

— И ты возрадуйся, Алкмеонид, — дружелюбно сказал Фукидид. — Присаживайся и раздели с нами праздничную трапезу. Мне рассказали о случившемся. Об этом даже говорить не стоит. Алкивиад — известный прохвост. Что поделать, так его воспитал Перикл.

Я присел за общий стол на освобождённое для меня место

напротив Фукидида.

— Пусть Афина даст нам мудрости и сил для процветания нашего города, а богиня мира Эйрена сохранит наше благополучие, — поднял я поднесённый килик.

— Странно слышать об Эйрене от Алкмеонида, — с издёвкой произнёс Мелесий, старший сын Фукидида.

Фукидид с упрёком посмотрел на него.

— Я слышал, что ты побывал на Самосской войне, Эвриптолем. И, говорят, тебе там досталось. Если бы позвали, поехал бы опять? — спросил Фукидид.

— Я не сторонник войны, но готов ещё сражаться за родину, если понадобится, — ответил я.

— Скажи, Эвриптолем, а что ты ищешь среди Филаидов? — продолжил расспросы Фукидид. — Может быть, тебя послал Перикл? Или, может, наоборот, тебе надоела его незаконная власть?

— Ни то и ни другое, Фукидид, — признался я. — Меня привела сюда Афродита.

Повисла пауза. Первым засмеялся Фукидид. За ним — все остальные. Хохот Филаидов заставил меня покраснеть. Все сидящие за столом посмотрели в сторону Хлои, отчего та встала из-за стола и гордой походкой ушла в тень стоявшего рядом дерева.

— Тебя привёл сюда Потос, — хохотал ей вслед младший сын Фукидида, Стефан. — Ты перепутал, сходи в Пирей, там тебя утешат. Женщины Филаидов — благочестивые аристо-

кратки и не путаются с жожаками голодранцев.

— Уходи, иначе я постараюсь, чтобы Афродита тебя больше не беспокоила, — с ухмылкой произнёс Мелесий.

— Немного чести нападать большинством на одного, — ответил я ему. — А ещё говорят, что Филаиды — род героев. Я вижу здесь только пьяных селян, нападающих на случайного путника.

— Да я сейчас вырву твой наглый язык, Алкмеонид! — недобро зашипел Мелесий.

Стефан привстал из-за стола.

От таких угроз этих здоровяков я едва сдерживался. Кулаки мои сжались.

— Довольно! Хватит ругаться и грозиться, как безродные феты, тем более на великом празднике, — властно осадил сыновей Фукидид. — Достойные мужи решают споры на войне или в атлетических состязаниях.

Он повернулся ко мне, испытующе глядя в глаза. Подумал немного и сказал:

— Эвриптолем, через год будут игры Зевса в Олимпии. Мы тоже будем там. Принеси оттуда венок и тогда сватайся к нашим девушкам. Мы всегда рады героям в роду. А иначе держись от них подальше со своим грехом, полученным по наследству.

Килонов грех — проклятие нашего рода. Но верёвка, которую привязали к статуе Афины и за которую держались заговорщики, сама развязалась, а значит, богиня отказала им

в защите. Кровь моя кипела.

В висках стучала кровь. Задета честь Алкмеонидов.

— Хорошо, я буду там, — ответил я твёрдо. — И если богиня удачи Тюхе будет благосклонна, получу венок.

— Он выставит четвёрку скакунов своего отца — Мегакла! — посмеиваясь, громко сказал Стефан, взглянув куда-то в сторону. — Ту четвёрку, что пришла первой на недавних играх. Победа может достаться слишком легко, Алкмеонид. Мы будем заливать песок палестры своим потом, а тебе даже не обязательно выходить из тени, чтобы победить.

В моих висках стучала кровь. Гнев рвался наружу.

Я вспомнил недавний спор Алкивиада с отцом.

— А что вы скажете, если я сам буду ею управлять? — ответил я твёрдо, глядя в глаза Фукидида.

Слова вырвались раньше, чем я успел подумать.

Наступила тишина. Мужчины переглянулись с удивлением.

— Видимо, Потос смутил твой разум, — усмехнулся Стефан. — Какой человек по своей воле пойдёт на это безумие? Это настолько опасно, что ты будешь соревноваться с рабами.

Он сделал паузу и добавил с издёвкой:

— Хотя... Эвриптолем, а правда то, что ты побывал в рабстве?

Слова эти ударили, как палка Тетерева. Это было уже слишком. Я повёл взглядом в стороны, ища поддержки. И

нашёл. Я увидел Хлою, наблюдавшую за диалогом из тени дерева. Вздохнув, я взял себя в руки.

— Да, правда, — сказал я громко, так чтобы все услышали. — Так Мойры сплели узор моей судьбы. Но они же дали мне снова свободу, так что я стал только крепче. Я не стыжусь этого, ведь даже Дионис и Геракл побывали в рабстве.

Я встал, выпрямился и посмотрел на Фукидида:

— Я сам поведу колесницу. И принесу венок.

Стояла тишина. Все смотрели на меня. Сыновья Фукидида — с удивлением и с ухмылкой недоверия. Фукидид — изучающе.

— Достойный ответ, — сказал он наконец медленно. — Ну что ж, Эвриптолем, если ты принесёшь в Афины венок из священных ветвей оливы, ты будешь желанным сватом в нашем доме. А пока иди с миром и продолжи праздник за столом Алкмеонидов.

Он отвернулся, показав всем своим видом, что разговор окончен.

Я прошёл мимо дерева, взглянув на неё. Она кивнула в ответ. Я понял: она будет ждать.

Праздник продолжался. Люди смеялись, пели, танцевали.

А я шёл среди этого ликования и думал: вот, дал обещание, которое может стоить мне жизни. Но я не чувствовал страха. Наоборот, это было освобождение. И впервые за эти годы я почувствовал себя не выжившим, а живым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.